

ДИАНА СЕТТЕРФИЛД

ПОКА
ТЕЧЕТ
РЕКА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 33

Diane Setterfield
ONCE UPON A RIVER
Copyright © 2018 by Third Draft
This edition published by arrangement with Sheil Land Associates
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Василия Дорогокупля

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-16213-6

© В. Н. Дорогокупля, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается моим сестрам, Мэнди и Пауле.
Без вас я не была бы такой, какая есть сейчас*

*За пределами этого мира есть и другие миры.
Существуют места перехода между ними.
Вот одно из таких мест.*

ЧАСТЬ 1

История начинается...

С тоял себе когда-то тихо-мирно трактир на берегу Темзы у Рэдкота, в полном дневном переходе от истока реки. В ту пору заведений подобного сорта в верховьях Темзы было хоть отбавляй, и путник запросто мог набраться под завязку в любом из них; плюс ко всему каждый трактир, помимо традиционных эля и сидра, мог предложить клиентам и нечто из ряда вон. В келмскоттском «Красном льве» это была музыка: лодочники без устали пикикали на скрипках, а сыроделы жалостно пели о потерянной любви. «Зеленый дракон» в Инглшеме идеально подходил для спокойных раздумий в хорошо прокуренном помещении. Если вы были азартным игроком, вас ждал «Олень» в Истон-Гастингсе, а любителям помахать кулаками не найти было места лучше «Плуга» на окраине Баскота. «Лебедь» в Рэдкоте также имел свою специфику. Там рассказывались истории.

«Лебедь» был древним трактиром — возможно, древнейшим во всей округе. Он состоял из трех частей, построенных в разное время: одна часть была старой, другая очень старой, а третья еще старее. Все три сливались в одно гармоничное целое благодаря общей тростниковой крыше, повсеместной замшелости каменной кладки и плетям плюща, равномерно покрывающим стены. Летом сюда наезжали однодневные туристы из городков вдоль недавно построенной железной дороги, чтобы взять напрокат плоскодонку с шестом или веслами, затариться элем и устроить пикник на реке, но в холодное время года «Лебедь» посещали только местные жители,

собиравшиеся в зимнем зале. Это была скромно обставленная комната в самой старой части трактира, с единственным окном в толстой стене. При свете дня вдали за окном были видны три безмятежно незыблемые арки Рэдкотского моста, под которыми струились воды Темзы. По ночам (а эта история начинается ночью) мост растворялся во мраке, и, только ориентируясь на низкий монотонный шум огромной массы воды, вы могли разглядеть в той стороне полоску особой, плавучей и зыбкой тьмы, которую выделяла из общего фона энергия ее собственного движения.

Никто не знал доподлинно, откуда пошла традиция рассказывать истории в «Лебеде», но это может быть как-то связано с битвой у Рэдкотского моста¹. В 1387 году, за пятьсот лет до ночи, когда началась эта история, у моста встретились две большие армии. Кто и почему — слишком долго и вряд ли стоит объяснять, но исход был таков: лишь три человека — рыцарь, оруженосец и какой-то мальчишка — пали от руки врага, но еще восемь сотен душ сгнули в здешних болотах, спасаясь бегством. Да, именно так. *Восемь сотен душ*. А это уже нешуточная история. Их кости лежат в земле там, где ныне раскинулись плантации кресс-салата. Люди в этой округе традиционно выращивали кресс-салат на заболоченных лугах, собирали урожай, упаковывали его в ящики и баржами отправляли в города ниже по реке, но сами это растение никогда в пищу не употребляли, сетуя на неприятный вкус: мол, такую горечь и в рот не возьмешь. Да и кому охота питаться тем, что было возвращено призраками мертвых? Когда подобные битвы случаются у самого порога вашего дома, а потом истлевающие трупы отравляют вашу питьевую воду, вполне естественно, что вы потом будете без конца пересказывать

¹ *Битва у Рэдкотского моста* — столкновение между армией короля Ричарда II во главе с его фаворитом Робертом де Вером и войсками мятежных лордов, состоявшееся 19 декабря 1387 г. Застигнутые врасплох и окруженные, роялисты частью сдались в плен, а частью попытались выйти из окружения через болото, но спастись удалось лишь немногим из них. — *Здесь и далее примеч. перев.*

эту историю. И в силу множества повторений постепенно разовьете свой талант рассказчика. А когда эта тема уже перестанет быть актуальной, ваше внимание переключится на другие вещи: почему бы не использовать приобретенные навыки, рассказывая все новые и новые истории?

Хозяйкой «Лебеда» была Марго Окуэлл. Сколько помнили старожилы, этот трактир всегда принадлежал Окуэллам — вполне возможно, с самого дня его основания. Правда, по закону ее звали Марго Блисс, ибо она была замужем, но законы что-то значат лишь для горожан, а здесь, в «Лебеде», она оставалась одной из Окуэллов. Это была женщина приятной наружности, без малого шестидесяти лет. При этом она без видимых усилий могла приподнять дубовую бочку и столь крепко держалась на ногах, что вообще никогда не испытывала потребности присесть. Ходили слухи, что она даже спит стоя, однако же она произвела на свет тринадцать детей, так что ей несомненно иногда случалось и прилечь. До Марго в трактире хозяйничала ее мать, а ранее — ее бабушка и прабабушка, и местные давно уже принимали как должное тот факт, что «Лебедем» заправляют женщины. Так уж оно повелось издавна.

Мужа Марго звали Джо Блисс. Он был родом из Кембла, что в двадцати пяти милях от Рэдкота выше по течению, буквально в двух шагах от того места, где Темза появляется из-под земли в виде крохотного родника — настолько крохотного, что его трудно отличить от обычной лужицы среди травы. Все Блиссы были потомственными доходягами. Они рождались хилыми и болезненными, чтобы по большей части покинуть этот мир в самом начале жизненного пути. Дети Блиссов с каждым прожитым годом становились все более бледными и чахлыми, пока не угасали совсем — обычно до десятилетнего, а нередко и до двухлетнего возраста. Немногие выжившие, включая Джо, к своему совершеннолетию были ниже ростом и тщедушнее большинства своих сверстников. Зимой их тела сотрясал кашель, сопровождаемый хроническим насморком и слезотечением. А по натуре своей они были людь-

ми добрыми и покладистыми, с кротким взглядом и приветливой улыбкой, редко сходящей с лица.

Восемнадцать лет от роду, будучи сиротой, непригодным к физическому труду, Джо покинул Кембл, чтобы найти себе занятие по душе — сам еще не представляя, какое именно. Выбор пути был на все четыре стороны — в этом смысле Кембл ничуть не хуже любого другого места на земле, — но река обладает особым рода притяжением, и надо быть совсем уже не от мира сего, чтобы не пойти вслед за ее водами. Так Джо добрался до Рэдкота и, мучимый жаждой, заглянул в местный трактир. Худосочный юноша, с вялыми прядями черных волос на — по контрасту — чересчур бледном лице, тихо сидел в углу, потягивал эль из бокала, поглядывал на хозяйскую дочку и прислушивался к рассказам завсегдатаев. Это было так непривычно и увлекательно: очутиться среди людей, которые во всеуслышание рассказывали истории сродни тем, что крутились у него в голове с малолетства. И когда по завершении очередного рассказа возникла пауза, он открыл рот и начал: «Однажды, давным-давно...»

В тот день Джо Блисс нашел свое призвание. Темза привела его в Рэдкот, и здесь, в Рэдкоте, он остался. Немного попрактиковавшись, он научился подбирать верный тон для историй любого типа, будь то злободневные анекдоты, старинные предания и легенды, переложения фольклорных тем или волшебные сказки. Его подвижное лицо могло передавать самые разные эмоции — удивление, тревогу, испуг, облегчение и так далее — не менее убедительно, чем лица профессиональных актеров. И еще он обладал на редкость выразительными бровями. Густые и черные, эти брови участвовали в процессе повествования наравне с его голосом. Они сходились у переносицы с приближением особо значимого эпизода, подергивались, обращая внимание слушателей на какую-то важную деталь, или выгибались дугой с намеком на то, что данный персонаж может быть не тем, кем кажется поначалу. Следя за его бровями, вникая в их сложный танец, вы улавливали нюансы рассказа, которые в ином случае могли бы остаться

незамеченными. За несколько недель регулярных вечерних посиделок в «Лебеде» он убедился в своей способности завораживать слушателей. Он также сумел заворожить Марго, а она еще ранее заворожила его.

В конце месяца Джо протопал шестьдесят миль до одного селения в стороне от реки, где проводилось состязание рассказчиков. Он победил в этом состязании, а все призовые деньги потратил на обручальное кольцо. В Рэдкот он вернулся посеревшим от измождения, с неделю отлеживался, приходя в себя, а затем предстал перед Марго, опустил на одно колено и сделал ей предложение.

— Даже не знаю... — сказала ее мать, узнав эту новость. — Может ли он работать? Зарабатывать на жизнь? Как он будет обеспечивать семью?

— Проверь нашу выручку за последнее время, — посоветовала Марго. — И ты увидишь, насколько больше стало клиентов с тех пор, как Джо начал рассказывать свои истории. Допустим, я ему откажу, ма. Он может уйти отсюда в любое другое место. И что тогда?

Это было правдой. В те дни посетителей у них заметно прибавилось; они приходили даже из отдаленных местечек и засиживались дольше обычного, слушая истории Джо. И все, конечно, покупали выпивку. «Лебедь» процветал.

— Но здесь бывает столько сильных, красивых парней, которым ты нравишься, — не лучше ли выбрать кого-то из них?

— Мне нужен только Джо, — сказала Марго твердо. — Я люблю истории.

И она настояла на своем.

С той поры прошло почти сорок лет, и за это время семья Марго и Джо сильно разрослась. В первые двадцать лет брака у них появилась дюжина здоровых дочерей. Все с густыми темно-русыми волосами и крепкими ногами, как у Марго. Теперь это были пухленькие разбитные молодки, улыбчивые и никогда не унывающие. Все они благополучно вышли замуж. Одна была чуть полнее, другая чуть стройнее, одна чуть

выше, другая чуть ниже, одна чуточку смуглее, другая чуточку блее, но во всем прочем они настолько походили друг на друга, что даже завсегдатаи «Лебеда» не могли их различить; а когда выдавались особо хлопотные дни и дочери приходили в трактир помочь родителям с обслуживанием, их всех скопом и каждую в отдельности называли Марготками. После рождения двенадцатой дочурки в пополнении семейства наступила долгая пауза, и Джо с Марго решили, что она уже вышла из соответствующего возраста, но потом случилась последняя беременность, и на свет явился Джонатан, их единственный сын.

Короткошей и круглолицый, с миндалевидными раскосыми глазами, изящными ушами и тонким носом, с языком, который казался чересчур большим для его вечно растянутого в улыбке рта, Джонатан разительно отличался от остальных детей. С годами выяснилось, что отличия эти не только внешние. Теперь ему было пятнадцать, но если другим подросткам его возраста не терпелось поскорее стать мужчинами, то Джонатана вполне удовлетворяла перспектива прожить всю свою жизнь в трактире вместе с мамой и папой; ничего иного он и не желал.

Марго все еще была энергичной и привлекательной женщиной, а волосы Джо побелели, хотя брови оставались такими же черными, как в юности. Ему уже исполнилось шестьдесят, а для Блиссов это очень преклонный возраст. Люди приписывали такое относительное долголетие неустанным заботам Марго. В последние годы он временами был настолько слаб, что по два-три дня не вставал с постели. Лежал с закрытыми глазами, но не спал — нет, в эти периоды он посещал какие-то места за пределами сна. Марго спокойно реагировала на эти его упадки сил. Она топила камин, чтобы воздух в комнате был сухим, подносила к его губам чашку с теплым бульоном, расчесывала его волосы и приглаживала брови. Заходившие его проведать сразу начинали тревожиться при виде больного, каждый хлюпающий вдох которого, казалось, мог стать последним, но Марго сохраняла спокойствие.

— Не волнуйтесь, он выздоровеет, — говорила она.

И он действительно всякий раз выздоравливал. Он был Блоссом, только и всего. Это речная вода просочилась внутрь Джо и заболотила его легкие.

Была ночь зимнего солнцестояния, самая долгая ночь в году. Неделю за неделей дни сокращались, сначала понемногу, затем все быстрее, так что темнеть начинало уже вскоре после обеда. Как известно, по мере удлинения лунных часов ослабевает связь человеческих существ с их искусственными, механическими часами. Люди начинают клевать носом в полдень, могут задремать при свете дня, чтобы затем, проснувшись, глядеть широко открытыми глазами в ночную тьму. Это время магии. И когда границы между ночью и днем утончаются до предела, то же самое происходит и с границами между мирами. Сны и фантазии сливаются с реальностью, живое соприкасается с мертвым на встречах курсах, прошлое и настоящее накладываются друг на друга. В это время могут происходить самые невероятные вещи. Могло ли зимнее солнцестояние как-то повлиять на загадочные события той ночи? Об этом судите сами.

Теперь, когда вы знаете все, что вам нужно знать для начала, пора приступить к собственно истории.

Бражники, собравшиеся в «Лебеде» той ночью, были всегдатаями: в основном работяги с гравийных карьеров или салатных плантаций да матросы с речных барж, а также лодочный мастер Безант и старик Оуэн Олбрайт, который полвека назад уплыл вниз по реке до самого моря и через двадцать лет вернулся в родные места богачом. Ныне его мучил артрит, и только крепкий эль вкупе с хорошей историей помогал на время забыть о боли в костях. Вся компания сидела здесь еще с вечерних сумерек, опустошая и повторно наполняя свои пивные бокалы, прочищая и снова набивая ядреным табаком свои трубки — и рассказывая истории.

Олбрайт вернулся к битве у Рэдкотского моста. Конечно, любая история, если ее пересказывать на протяжении пяти-

сот лет, может несколько наскучить, но рассказчики находили возможности каждый раз оживлять ее новыми вариациями. Определенные вещи были четко зафиксированы в хрониках и в устной традиции: перемещение армий и их встреча, гибель рыцаря и его оруженосца, восемь сотен утонувших в болоте вояк, — но к смерти мальчика это не относилось. О нем вообще не имелось никаких сведений, кроме того, что жил некий мальчик, который не в добрый час оказался у Рэдкотского моста и там умер. А отсутствие достоверной информации уже давало простор воображению. Всякий раз, возвращаясь к этой истории, трактирные рассказчики оживляли неизвестного мальчишку только затем, чтобы умертвить его заново. За все эти годы он умирал бесчисленное число раз, все более экстравагантными и затейливыми способами. Когда история принадлежит вам, вы можете позволить себе вольное изложение. Но это дозволялось только местным — горе любому чужаку, если он заявится в «Лебедь» со своей версией происшедшего. Неизвестно, как бы отнесся сам мальчик к своим периодическим воскрешениям, но в данном случае важно запомнить тот факт, что для рассказчиков и посетителей «Лебеда» подобные воскрешения не были чем-то совсем уж противоестественным.

На сей раз Олбрайт выдумал юного циркача, который сопровождал войско и развлекал солдат во время привала. Жонглируя несколькими ножами, он поскользнулся в грязи и упал на спину, а ножи вонзились в сырую землю рядом с ним — все, кроме последнего, который угодил мальчишке прямо в глаз и убил его мгновенно. Это случилось еще до начала сражения. Новая придумка вызвала одобрительный гул, который, впрочем, быстро стих, позволяя рассказчику довести историю до конца уже по давно накатанной колее.

Далее возникла пауза. Считалось дурным тоном сразу начинать новую историю, не дав людям времени на осмысление предыдущей.

Джонатан был одним из самых внимательных слушателей.
— Я бы тоже хотел рассказать историю, — заявил он.

Несмотря на его улыбку — а улыбался он всегда, — эти слова были сказаны и восприняты всерьез. Он не был тупицей, хотя его учеба в школе не заладилась: другие дети насмеялись над его необычным лицом и странным поведением, и через несколько месяцев он перестал посещать занятия. Чтение и письмо он так и не освоил. Но зимние завсегдатаи «Лебеда» давно привыкли к младшему Окуэллу со всеми его странностями.

— Что ж, попробуй, — предложил Олбрайт. — Расскажи нам что-нибудь.

Джонатан задумался. Он открыл рот и замер, ожидая, что вот-вот оттуда сама собой выйдет наружу какая-нибудь история. Но ничего не вышло. Его лицо потешно скривилось, а плечи затряслись от беззвучного смеха над самим собой.

— Не могу! — воскликнул он, отсмеявшись. — Ничего не получается!

— Значит, в другой раз. Попрактикуйся немного, и, как только будешь готов, мы тебя выслушаем.

— Тогда ты расскажи историю, папа, — попросил Джонатан. — Расскажи!

Это был первый вечер Джо в зимнем зале после очередного приступа слабости. Он все еще был очень бледен и до сей поры сидел молча. В таком состоянии никто не ждал от него рассказа, но он среагировал на просьбу сына и с кроткой улыбкой устремил взгляд в дальний верхний угол комнаты, зачерненный многолетними наслоениями сажи и никотина. Именно оттуда, как полагал Джонатан, его отец выуживал свои истории. А когда Джо снова взглянул на собравшихся, он уже был готов к рассказу — и начал:

— Однажды, давным-давно...

В этот миг отворилась дверь.

Час был слишком поздний для новых посетителей. Кто бы то ни был, он не спешил входить. Струя холодного воздуха пригнула дрожащее пламя свечей и наполнила дымную комнату резкими запахами зимней реки. Бражники дружно повернули головы в сторону двери.

Все глаза это увидели, но долгое время никто никак не реагировал. Они пытались осмыслить то, что предстало их взорам.

Мужчина — если вошедший являлся мужчиной — был высок и атлетически сложен, но его лицо было настолько уродливым, что зрители невольно отшатнулись. Кто это мог быть — какое-нибудь чудовище из старой страшной сказки? Или им всем снился один и тот же кошмарный сон? Кривой приплюснутый нос, а под ним вместо рта — зияющий провал с темной кровью в глубине. Одно это могло бы напугать любого, но вдобавок к тому жуткое существо несло на руках большую куклу с восковым лицом, такими же восковыми конечностями и гладкими волосами.

Из оцепенения их вывел пришелец. Сначала он взревел — звук был таким же бессмысленно уродливым, как и рот, из которого он вырвался, — а затем покачнулся и начал заваливаться навзничь. Два батрака успели вскочить со стульев и подхватили его как раз вовремя, иначе он разможил бы затылок о каменные плиты порога. Одновременно от камина метнулся Джонатан и, вытянув руки, поймал падающую куклу, солидный вес которой застал врасплох его суставы и мышцы.

Кое-как опомнившись, они уложили бесчувственного человека на стол. Еще один стол был придвинут под его ноги. Распрямив тело, они выстроились вокруг, подняв над ним свечи и лампы. Веки лежащего не дрогнули.

— Он что, помер? — озадачился Олбрайт.

Реакцией на эти слова стали нахмуренные лбы и невнятное бормотание присутствующих.

— Надо похлопать по щекам, — предложил кто-то. — Может, это его оживит.

— Глоток виски лучше поможет, — возразил кто-то другой.

Марго протолкалась к изголовью и внимательно осмотрела мужчину:

— Никаких пощечин. Только не по лицу в таком состоянии. И не лейте ничего ему в глотку. Погодите.

Она взяла подушку, лежавшую на скамье рядом с очагом, и вернулась к столу. При свете лампы разглядела белый конец стерженька, торчавший из наволочки. Подцепила его ногтями и выдернула из подушки пуховое перо. Все недоуменно следили за ее действиями.

— Навряд ли ты сможешь пробудить мертвеца щекоткой, — сказал гравийщик. — Да и живого тоже, если он в беспомощности.

— Я не собираюсь его щекотать, — ответила она. И положила перышко на губы мужчины.

Бражники глядели во все глаза. В первую секунду ничего не произошло, а затем пух слегка шевельнулся.

— Он дышит!

Но чувство облегчения быстро сменилось новым беспокойством.

— А кто он вообще такой? — спросил баржевой матрос. — Кто-нибудь его знает?

За этим вопросом последовало несколько минут многогласного шума. Один старожил уверял, что знает всех без исключения людей на берегах реки от Касл-Итона до Даксфорда — а это добрый десяток миль, — но этого типа видит впервые. Другой, часто навещавший свою сестру в Лечлейде, не припомнил, чтобы кто-то похожий попадался ему в тех краях. Третий вроде бы где-то его встречал, но чем больше он вглядывался в человека на столе, тем меньше был готов рискнуть звонкой монетой в споре, подкрепляя свои слова. Четвертый предположил, что он может быть из речных цыган, которые как раз в это время года обычно сплавлялись вниз по Темзе. Местные относились к ним с понятным подозрением и не забывали по вечерам накрепко запирают двери, предварительное занеся со двора в дом всю мало-мальски ценную утварь. Но данная версия отпала при одном лишь взгляде на добротную шерстяную куртку и дорогие кожаные ботинки незнакомца. Ничего общего с цыганским отребьем. Пятый после долгого вдумчивого созерцания торжествуяще объявил, что ростом и комплекцией это точь-в-точь старина Лиддьярд

с фермы Уайти — да и цвет волос разве не тот же самый? Однако шестой указал ему на старину Лиддьярда, который в ту самую минуту стоял по другую сторону стола; и вдумчивый созерцатель не смог отрицать очевидное. После этого обмена репликами все они — первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой и прочие — пришли к выводу, что незнакомец *действительно* не знаком никому из них. По крайней мере никто его не опознал. Хотя, чему тут удивляться, при такой-то расквашенной роже?

Наступившее затем озадаченное молчание было прервано голосом седьмого:

— Что же такое с ним стряслось?

Одежда незнакомца пропиталась водой, и от него исходил запах реки — этакий мутный зеленовато-коричневатый запах. Несчастье произошло на воде, в этом сомнения не было. Они заговорили о разных опасностях, подстерегающих людей на Темзе, которая всегда готова сыграть злую шутку даже с самыми опытными речниками.

— Опрокинулась лодка? Может, мне пойти ее поискать? — вызвался лодочный мастер Безант.

Тем временем Марго смывала кровь с лица пострадавшего, делая это быстро, но по возможности бережно. Она невольно вздрогнула, отвернув края глубокой раны, которая рассекла его верхнюю губу, так что два раздвинутых лоскута кожи обнажили осколки зубов и окровавленное нёбо.

— Забудьте вы о лодке, — сказала она. — Сперва надо заняться человеком. Тут дело серьезное, я сама не справлюсь. Кто сбегает за Ритой?

Она огляделась и остановила свой выбор на одном из молодых батраков, который был трезвее других по причине банального безденежья.

— Нит, парень ты вроде резвый. Сможешь быстро добратсья до дома лекарши и позвать ее сюда? Только без спотыканий и падений — второй калека за одну ночь будет уже перебором.

Резвый парень отбыл без промедления.

А Джонатан все это время держался в стороне от остальных. Промокшая кукла оттягивала ему руки, и он сел на стул,

примостив ее у себя на коленях. Подумал о драконе из папье-маше, которого использовала в своей постановке труппа бродячих актеров на прошлое Рождество. Дракон был твердым и легким, а если постучать по нему пальцами, отзывался сухим гулким «тат-тат-тат». Но эта кукла была сделана из другого материала. Вспомнились тряпичные куклы, набитые рисом, — те были мягкими и увесистыми. Но ему еще не случилось видеть куклу таких размеров. Джонатан понюхал ее голову. Пахло рекой, но никак не рисом. Кукольная шевелюра состояла из натуральных волос, и он не смог понять, каким образом эти волосы прикреплены к голове. Ухо было воистину безупречным — не иначе как делалось по слепку с настоящего человеческого уха. Он подивился ресницам, идеально ровным и подогнанным одна к одной. Коснулся пальцем их упругих, влажных, щекочущих кончиков, и веко чуточку приоткрылось. Бережно, с максимальной осторожностью, он дотронулся до поверхности века и ощутил под ней нечто гладкое, округлое, одновременно твердое и податливое.

Какое-то темное, смутное чувство вдруг овладело его сознанием. Предоставленный самому себе — его родители и завсегдатаи трактира собрались у стола, — он слегка встряхнул куклу. Ее рука соскользнула с колена Джонатана и свободно закачалась над полом, как не должны качаться руки обыкновенной куклы. Он ощутил внутри себя что-то вроде мощной, стремительно растущей приливной волны.

— Это настоящая девочка.

Над полумертвым незнакомцем продолжался спор, и никто не услышал Джонатана.

Он повторил, на сей раз громче:

— Это настоящая девочка!

Спорщики обернулись на голос Джонатана.

— Но она не просыпается, — добавил он.

Джонатан приподнял маленькое тело в мокрой одежде, чтобы другим было лучше видно.

Они подошли и окружили Джонатана. Дюжина пар глаз уставилась на девочку.

Ее кожа тускло мерцала, как вода пасмурным днем. Складки хлопчатобумажной рубашки облепили ее ноги, а голова повернулась и склонилась под углом, какой не мог быть предусмотрен ни одним кукольником. Она была не куклой, а настоящей девочкой, о чем никто из них не догадался, хотя теперь это казалось очевидным. Какой же мастер станет вкладывать массу труда в создание столь совершенной куклы, чтобы затем нарядить ее в простенькое платье под стать бродяжкам и нищенкам? Кому взбрдет в голову придать кукольному лицу такой жутковатый, безжизненный цвет? Какой творец, помимо самого Господа, способен создать эту линию скул, эту ножку с пятью очень разными, детально проработанными пальцами. Разумеется, это была маленькая девочка! И как получилось, что они не заметили этого сразу?

В комнате, всегда полной речей и споров, теперь стояла тишина. Отцы вспоминали своих отпрысков и мысленно клялись впредь относиться к ним только с любовью, и никак иначе. Пожилые мужчины, не имевшие детей, горько сокрушались по этому поводу, а бездетные молодые люди всем сердцем жаждали когда-нибудь побаюкать на руках собственных малышей.

Наконец это молчание было нарушено.

— Боже правый!

— Она мертва, бедная крошка.

— Утонула!

— Положи перо ей на губы, мама!

— Ох, Джонатан, для нее это слишком поздно.

— Но с мужчиной это получилось!

— Нет, сынок, он дышал и до этого. Просто перышко показало нам, что в нем еще осталась жизнь.

— Может, она остается и в ней!

— Увы, эта бедняжка скончалась, по ней сразу видно. Она не дышит, да и цвет лица — взгляни на ее кожу. Кто отнесет несчастное дитя в длинную комнату? Сделай это, Хиггс.

— Но там сейчас холодно, — запротестовал Джонатан.

Мать погладила его по плечу:

— Ей это не навредит. Сейчас она уже не с нами. А в тех местах, куда она отправилась, холодов не бывает.

— Позволь мне самому ее нести.

— Ты понесешь фонарь и откроешь дверь для мистера Хиггса. Она тяжеловата для тебя, мой милый.

Дюжий гравийщик взял девочку из слабеющих рук Джонатана и поднял ее с такой легкостью, словно она весила не больше гуся. Джонатан с фонарем шагал впереди, освещая путь. Они вышли наружу, завернули за угол дома и направились к небольшому каменному флигелю. За дубовой дверью обнаружилось узкое вытянутое помещение без окон, используемое в качестве кладовой. Земляной пол, голые стены, никогда не знавшие штукатурки, покраски или какой-нибудь другой отделки. В теплые месяцы это место отлично подходило для кратковременного хранения оципанных уток или улова форели, а в такую зимнюю ночь холод здесь пробирал до костей. По всей длине одной из стен тянулась низкая полка, на которую Хиггс и поместил маленькое тело. При этом Джонатан, вдруг вспомнив о хрупкости папье-маше, успел придержать голову девочки — «чтобы не повредилась».

Хиггс приблизил фонарь к лицу девочки.

— Ма говорит, что она мертва, — сказал Джонатан.

— Это верно, малец.

— Ма говорит, что она сейчас в другом месте.

— Так и есть.

— По виду она все еще здесь.

— Но ее мысли уже не с ней. Ее душа отлетела.

— А может, она просто спит?

— Нет, малец. Иначе она бы уже проснулась.

В мерцающем свете фонаря по неподвижному лицу скользили тени, а его теплый свет пытался скрасить мертвенную бледность кожи, но это не могло послужить заменой внутреннему свечению жизни.

— Однажды была девушка, проспавшая целых сто лет. Потом ее разбудили поцелуем.

Хиггс раздраженно поморщился:

— Это всего лишь сказка.

Круг света переместился с лица девочки на пол под ногами Хиггса, когда тот направился к выходу, но уже в дверном проеме обнаружил, что Джонатан не идет за ним следом. Развернувшись, он поднял фонарь как раз вовремя, чтобы заметить, как Джонатан наклоняется и целует детский лоб.

Несколько мгновений Джонатан сосредоточенно смотрел на девочку. Потом ссутулил плечи и отвернулся.

Они покинули флигель и заперли за собой дверь.

Оглавление

ЧАСТЬ 1

История начинается...	13
Тело без истории	29
Чудо	43
История начинает расходиться	54
Притоки	74
Что ты об этом думаешь?	77
Миссис Воган и речные гоблины	87
Старая история	97
Ночной кошмар Лили	111
Мистер Армстронг в Бамптоне	120
Три претензии	139
Папочка!	151
Спящий просыпается	157
Трагическая история	162
История паромщика	170
Неужели все закончилось?	182

ЧАСТЬ 2

Что-то не сходится	187
Материнский взгляд	198
Который из отцов?	210
Слухом земля полнится	227
Секундные дела	235
Ночной визитер	249
Исчезновения, или Мистер Армстронг едет в Бамптон	258
История не для рассказа	278
Фото Амелии	287
Джинн из чайника	305

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 3

Самый длинный день	313
Философия «Лебеда»	332
Самая короткая ночь	336
Великие озера под землей	349
Две странности	355

ЧАСТЬ 4

Что было потом	361
Три пенса	365
Пересказ истории	370
Фото Алисы	378
Правда, ложь и река	395
Драконы Криклейда	401
Колодец желаний	409
Волшебный фонарь	415
О щенках и свиньях	429
О сестрах и поросятах	432
Обратная сторона реки	436

ЧАСТЬ 5

Нож	445
Все начинается и завершается в «Лебеде»	451
Отцы и сыновья	458
Лили и река	473
Джонатан рассказывает историю	477
История о двух детях	483
Однажды давным-давно	491
Долго и счастливо	497
От автора	503
Благодарности	505
Источники	507

Сеттерфилд Д.

С 33 Пока течет река : роман / Диана Сеттерфилд ; пер. с англ. В. Дорогокупли. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-16213-6

Впервые на русском — новейший роман Дианы Сеттерфилд, прославленного автора «Тринадцатой сказки», признанного шедевра современной английской прозы, который заставил критиков заговорить о возвращении золотого века британского романа, овеянного именами Шарлотты и Эмили Бронте и Дафны Дюморье, и разошелся по всему миру на 40 языках тиражом свыше 3 миллионов экземпляров.

В самую темную и длинную ночь в году, в день зимнего солнцестояния, в древний трактир «Лебедь» на берегу Темзы вваливается израненный незнакомец с мертвой девочкой на руках. Однако несколько часов спустя девочка оказывается живой. Что это — чудо? Волшебство? Или можно найти научное объяснение? И главное — кто она такая? Пропавшая два года назад дочь мистера и миссис Воган? Или, может быть, внучка фермера Роберта Армстронга, о существовании которой он узнал лишь накануне да так и не успел повидать? Ведь «Лебедь» — не просто древнейший трактир в округе; уже давно сюда приходят для того, чтобы слушать и рассказывать истории — злободневные анекдоты, или старинные предания и легенды, или волшебные сказки. Так что история таинственной девочки должна вплестись в полотно, ткущееся опытными рассказчиками уже много веков...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДИАНА СЕТТЕРФИЛД
ПОКА ТЕЧЕТ РЕКА

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Киселева, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.04.2019.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 20 000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABB-24643-01-R